Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-24-32

«Всё или ничего»: мотив бездействия в художественном мире Ю. Олеши

Анна Андреевна Корниенко [1]
Александр Иванович Куляпин [2]

[1] Алтайский государственный медицинский университет
Барнаул, Россия

[2] Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

[1] kornienkoanna2000@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-3514-7625
[2] iskander58@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-9673-3855

Аннотация

В статье обосновывается важность мотива бездействия для поэтики и жизнетворчества Ю. Олеши. Реальный мир для Олеши лишен значимости. Значимым становится мир внутренний, площадка для реализации нереализуемого. Неудивительно, что чудеса, творимые писателем и его героями в вакууме собственного мира, никак не соотносятся с реальностью. Погоня за совершенством безнадежна, она лишь усиливала комплекс неполноценности, и без того характерный для Олеши. Вездесущий максимализм, идеализм и желание сделать все и сразу негативно повлияли на его писательскую продуктивность. Олеша хватался сразу за несколько идей и редко воплощал их, перескакивая с сюжета на сюжет, с характера на характер. Многие герои Олеши, как и он сам, имеют характерное свойство – очень много обещать, но ничего не делать, потому что обещания эти нереализуемы в принципе. Парадоксальное отсутствие силы воли и пассивность героев Олеши можно объяснить максимализмом, вступающим в конфликт с невозможностью осуществить желаемое. Например, чудо-машина Офелия, якобы созданная героем романа «Зависть» (1927) Иваном Бабичевым, создана только в воображении, поскольку всемогущая универсальная машина не может существовать в реальности. Вывод Олеши: не можешь сделать все и сразу – не делай ничего.

Чтобы перебороть страх стать ничем, нужно стать всем. Главная героиня пьесы Олеши «Список благодеяний» (1931) вызывающе заявляет: «Я одна во всем мире, только я одна. Весь мир – это я». Для того чтобы достичь бессмертия и стать всем, желательно унести с собой в вечность не только свой внутренний мир, но и мир реальный, разрастись до масштабов вселенной и поглотить все, подобно черной дыре. В рассказе «Лиомпа» (1927) встречается подобная попытка в исполнении умирающего Пономарева, собравшегося «забрать с собой все». Олеша боится не существовать и называет искусство «заклятием против силы уничтожения».

Ключевые слова

Ю. Олеша, мотив, сюжет, герой, конфликт, характер, психотип

© Корниенко А. А., Куляпин А. И. М, 2026

Для цитирования

Корниенко А. А., Куляпин А. И. «Всё или ничего»: мотив бездействия в художественном мире Ю. Олеши // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 24–32. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-24-32

“All or Nothing”: The Motif of Inaction in the Artistic World of Yu. Olesha

Anna A. Kornienko [1], **Alexander I. Kulyapin** [2]

[1] Altai State Medical University
Barnaul, Russian Federation
[2] Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

[1] kornienkoanna2000@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-3514-7625
[2] iskander58@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-9673-3855

Abstract

The article substantiates the importance of the motif of inaction in Yuri Olesha’s poetics and life work. The real world is meaningless to Olesha. The inner world becomes significant, a platform for realizing the unrealizable. It’s not surprising that the miracles the writer and his characters perform in the vacuum of their own world bear no relation to reality. The pursuit of perfection is hopeless; it only exacerbates Olesha’s already characteristic inferiority complex. His ubiquitous maximalism, idealism, and desire to do everything at once negatively impacted his writing. Olesha grasped at several ideas at once and rarely implemented them, jumping from plot to plot, from character to character. Many of Olesha’s characters, like Olesha himself, share a characteristic trait: promising much but delivering nothing, because these promises are fundamentally unrealizable. The paradoxical lack of willpower and passivity of Olesha’s characters can be explained by their maximalism, which conflicts with the impossibility of achieving their desires. For example, the miracle machine Ophelia, supposedly created by Ivan Babichev, the hero of the novel “Envy” (1927), is a figment of the imagination, as an omnipotent universal machine cannot exist in reality. Olesha concludes: if you can’t do everything at once, do nothing.

To overcome the fear of becoming nothing, you must become everything. The protagonist of Olesha’s play “List of Benefits” (1931) defiantly declares: “I’m the only one in the whole world, the only one. The whole world is me”. To achieve immortality and become everything, it is desirable to carry into eternity not only your inner world but also the real world, expanding to the scale of the universe and consuming everything, like a black hole.

The story “Liompa” (1927) features a similar attempt by the dying Ponomarev, who intends to “take everything with him.” Olesha fears nonexistence and calls art “a spell against the power of destruction.”

Keywords

Yu. Olesha, motive, plot, hero, conflict, character, psychotype

For citation

Kornienko A. A., Kulyapin A. I. “All or Nothing”: The Motif of Inaction in the Artistic World of Yu. Olesha. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [*Plot Description and Analysis*], 2026, no. 1, pp. 24–32. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-24-32

Реальный мир для Ю. Олеши, как и для профессора Авенариуса, героя романа Милана Кундеры «Бессмертие», лишен значимости. Значимым становится мир внутренний, служащий для реализации нереализуемого, детская площадка для создания всевозможных игр, в центре которых окажется бессмертный чудотворец. Оттого неудивительно, что чудеса, творимые им в вакууме собственного мира, никак не соотносятся с реальностью. Многие герои Ю. Олеши, как и он сам, имеют характерное свойство – очень много обещать, но ничего не делать, потому что обещания эти нереализуемы в принципе.

Погоня за совершенством безнадежна, она лишь усиливала комплекс неполноценности, и без того характерный для Олеши. Вездесущий максимализм, идеализм и желание сделать все и сразу негативно повлияли на продуктивность писателя. Он хватался сразу за несколько идей и редко воплощал их, перескакивая с сюжета на сюжет, с характера на характер. В один из черновых вариантов «Зависти», в котором повествование ведется от лица соседа Кавалерова, Олеша вводит симптоматичную автобиографическую деталь – «у героя не было написано ни одной страницы, хотя он сообщал, что пишет роман» [Комия, 2018, с. 172].

К. Хорни в книге «Самоанализ» описала случай некоей Клэр, столкнувшейся с проблемами, удивительно похожими на те, которые испытывают герои Олеши и он сам. Клэр «легко охватывала парализующая усталость, мешавшая работе и жизни в обществе. <…> Присущее ей честолюбивое стремление писать пьесы и рассказы наталкивалось на непреодолимые внутренние барьеры. <…> Ее навязчивое желание занимать скромное место противоречило навязчивому стремлению торжествовать над другими; честолюбивое желание превосходить других находилось в конфликте с паразитической зависимостью. Две эти наклонности неизбежно сталкивались, либо порождая тревогу, либо парализуя друг друга. Этот парализующий эффект, равно как и внутреннее сопротивление работе, оказался одним из самых глубоких источников ее усталости» [Хорни, 2002, с. 56, 64]. Узнаваемый психотип олешиного героя.

В своих воспоминаниях Олеша пишет:

> Очевидно желание написать в один присест. Но ведь это невозможно. Как же быть?
>
> Какое искусство делается в один присест? Никакое.
>
> По существу, картина, уже законченная, носит характер сделанной в один присест. И статуя. Значит, идеально – они должны были бы делаться в один присест.
>
> А почему мне хочется сделать в один присест? Боюсь, что будет скучно, если, не сделав в один присест, сяду завтра продолжать.
>
> Нет, не страх скуки. Просто чувство, что если не сделал сразу, то и не надо (Олеша, 2015, с. 212).

Не лишним было бы добавить одно слово в цитату выше: «если не сделал *все* сразу, то и не надо». Козленков, герой рассказа «Пророк» (1929), подобно безумцу Вс. Гаршина из «Красного цветка», который готов умереть «как честный боец и как первый боец человечества, потому что до сих пор никто не осмеливался бороться разом со всем злом мира» (Гаршин, 2013, с. 289), хочет радикально избавить мир от горя: «Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом» (Олеша, 1974, с. 211). И, конечно, в этом радикализме Козленков отчасти

списан со своего создателя. В рассказе появляется сцена, параллели которой мы найдем в воспоминаниях Олеши:

> И – самое главное – он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина – сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно. Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо» (Олеша, 1974, с. 212).

Сравним:

> Когда я входил в костел, я видел стоявшие вдоль стен на высоте второго этажа статуи ангелов – почти детей, во всяком случае, не старше меня, в легких хитонах, сквозь которые просвечивали их тела. По мере моего продвижения вперед, к алтарю, образовывались ракурсы, в результате которых ангелы один за другим все более и более отворачивались от меня, а последний уже, казалось, уткнулся в стенку и плачет, скорбя обо мне, но не имея права простить меня (Олеша, 2015, с. 77).

Перед Козленковым мнимо склоняются люди, а от Олеши отворачиваются ангелы. Самопровозглашенный пророк отвергнут богом, но все еще верит в поклонение людей и жаждет его.

В конечном счете чудотворец Козленков сдается, так и не совершив ни одного чуда: «– Я не могу, – вздохнул он. – Зачем послали мне ангела?» (Олеша, 1974, с. 213).

Олеша, конечно, в чудо, творимое человеческими руками в мире, лишенном чудес, не верил. Даже «роман для детей» «Три толстяка» (1928) он начал минорно: «Время волшебников прошло» (Олеша, 1974, с. 97). Учитывая это, концовка рассказа «Пророк» предсказуема. Однако другие примеры паралича воли его героев заставляют задуматься об их невозможности совершить не только масштабное чудо, но и, казалось бы, простое действие, требующее хотя бы совсем крошечной решимости.

Николай Кавалеров в «Заговоре чувств» (1929), пьесе, созданной на основе романа «Зависть» (1927), избран группой представителей «старого мира» под предводительством Ивана Бабичева для великой миссии – убийства Андрея Бабичева, в чьем лице заговорщики чувств видят все зло и опасность, которую несет новая эпоха. Однако убийство срывается:

> Кавалеров уронил бритву, оглянулся, делает попытку поднять, не может, садится на ступеньку.
>
> К а в а л е р о в. Что ж… теперь и я прошу минутку внимания… Андрей Петрович, я поднял на вас руку… и не могу… судите меня… накажите… выколите мне глаза… я хочу быть слепым… Я должен быть слепым, чтобы не видеть вас… вашего праздника… вашего мира… (Олеша, 1968, с. 89).

Ранее двойник Кавалерова, неназванный «молодой человек», так же подстрекаемый Иваном, не решается на убийство мужа своей любовницы. Муж же, человек в возрасте, наоборот, полон решимости: «Разойдитесь… Где он?.. (*Поднимается по лестнице*.) Где голубок? (*Стучит в дверь, откуда вышел молодой человек*.) Сволочь! Сволочь! Открой! Сломаю! Открой! Не прячься. Убью там с ней» (Олеша, 1968, с. 38).

В недописанной Олешей пьесе «Нищий, или Смерть Занда» появляется еще один герой, так и не решившийся на убийство. В первой версии пьесы коммунист и идейный строитель нового мира, Модест Занд, которого родные неслучайно называют уменьшительным Досей, является бывшим мужем ушедшей к любовнику Маши. Занд изначально не признает существования любви, называя ее «легкой промышленностью» (Олеша, 1993, с. 159), но в конце концов, потрясенный уходом жены, теряет всякую силу для работы. Бессилие это, правда, связано не с утратой любви, а с животным желанием обладать Машей.

В начале пьесы Олеша представляет нам еще одно действующее лицо – Федора Мицкевича, лишившегося работы из-за чистки, проводимой Зандом. Философия Федора во многом созвучна философии Ивана Бабичева. Будучи отныне идейным нищим, он просачивается в личную драму Модеста и объясняет его неспособность убить любовника Маши тем, что над коммунистом преобладает разум, в то время как его животная способность убивать тщательно подавляется. Таким образом, он провозглашает себя двойником Занда, его решительной стороной, которая отныне может действовать от его имени. Этот вариант пьесы убийством все же не заканчивается. Олеша, по всей видимости, его забраковал и перескочил на другой, в котором уже сам Модест Занд, прикрываясь писательским статусом, ищет материал для пьесы, выведывает подробности убийства на почве ревности у семьи, глава которой действительно попытался убить мужа любовницы. И это убийство, опять же, не состоялось – ревнивец промахивается, и пуля попадает в шею, не задев позвоночник, – как не состоится в итоге и убийство, планируемое Зандом, поскольку пьеса обрывается.

Неизвестно, какой финал придумал бы Олеша, но, по всей видимости, пьесе и не суждено было стать оконченной. Для убийства действительно нужна животная решимость, противоречащая всему человеческому, и Олеша, убедив себя в этом, опускает руки даже перед убийством художественным. Николай Кавалеров в романе «Зависть» «склонен к мечтательности, отвлеченному теоретизированию и “литературности” при абсолютной неспособности к какой-либо реальной деятельности» [Касаткина, 2015, с. 35]. Он надеется войти в пантеон славы Герострат XX века: «Ах, это тот, что жил в знаменитое время, всех ненавидел и всем завидовал, хвастал, заносился, был томим великими планами, хотел многое сделать и ничего не делал – и кончил тем, что совершил отвратительное, гнусное преступление...» (Олеша, 1974, с. 26). Но и преступление герою совершить не дано. Несмотря на брошенную в гневе угрозу расправы над Андреем Бабичевым, Кавалеров даже не берет с собой на футбольный матч бритву, которую выронит позже в пьесе «Заговор чувств». Олеша избавляет читателя от напряжения, отбирая у бессильного Кавалерова возможное орудие убийства. Вдобавок ко всему, он оказывается бессильным даже для того, чтобы пнуть прилетевший к его ногам мяч обратно на поле:

> Вдруг мяч, выброшенный чьим-то мощным и нерассчитанным ударом, взлетел высоко и вбок за поле, из игры, в сторону Кавалерова, просвистел над пригнувшимися головами нижних рядов, остановился на мгновенье и, завертевшись всеми своими пластинками, рухнул на доски, к ногам Кавалерова. Игра остановилась. Игроки застыли, застигнутые неожиданностью. <...>
>
> Он ухмыльнулся, стороня ногу от мяча, который, потеряв опору, с кошачьей привязанностью вновь ткнулся в его каблук.

> – Ну! – недовольно и удивленно крикнул Бабичев.
>
> Кавалеров был пассивен. Две белые большие ладони протянулись за мячом. Кто-то поднял мяч и передал Бабичеву. <...>
>
> Бабичев, сильно качнувшись вперед, швырнул мяч, магически расковав поле (Олеша, 1974, с. 86–87).

Парадоксальное отсутствие силы воли и пассивность героев Олеши, однако, вполне можно объяснить все тем же максимализмом, вступающим в конфликт с невозможностью осуществить желаемое. Вспомним, например, о чудо-машине Офелии, созданной Иваном Бабичевым. Вернее, созданной внутри Ивана Бабичева, поскольку всемогущая универсальная машина не может существовать в реальности. Если бы Олеша написал своих героев в XXI в., ни один компьютер не удовлетворил бы Бабичева. Вот и вывод: не можешь сделать все и сразу – не делай ничего. Так в чем же причина такого неистового желания получить и сделать все? На самом деле, и этому есть объяснение.

В дневниках Олеши замечаем: «Очевидно, существование других культур, из которых многие уже погибли, обесценивает меня. <...> Я не хочу чувствовать себя уходящим, временным, я – один, я – вечный, я, только я! <...> Мне страшно. Я перестаю существовать! Я ничто!» (Олеша, 2015, с. 213–214). Чтобы перебороть страх стать ничем, нужно стать всем. Главная героиня пьесы «Список благодеяний» вызывающе заявляет: «Я одна во всем мире, только я одна. Весь мир – это я» [Гудкова, 2002, с. 202]. По точному наблюдению Н. Я. Берковского, у Олеши, как у и французских импрессионистов, «вселенная без изъятий вселена в познающее “я”» [Берковский, 1989, с. 276].

Олеше мало быть просто писателем, ему нужно стать бессмертным писателем. Лев Славин вспоминает фразу, произнесенную Олешей:

> – Я ведь не такой, как другие. Я ведь устроен иначе, – говорил Олеша полушутя.
>
> Но под этой шуткой жила вера в свое бессмертие. Физическое!
>
> Это привилегия и признак молодости – не верить в свою смерть. Олеше тогда шел седьмой десяток [Воспоминания о Юрии Олеше, 1975, с. 21].

Лев Никулин же пишет о другом случае:

> Ресторан в той же «Лондонской» гостинице. Олеша высовывается из окна и делает знак старику – продавцу папирос.
>
> – Дадим заработать старику. Пачку «Казбека».
>
> Старик долго глядит в окна и наконец кричит:
>
> – Откуда вы выглядываете?
>
> – Я выглядываю из вечности, старик! [Там же, с. 71].

Для того чтобы достичь бессмертия и стать всем, желательно унести с собой в вечность не только свой внутренний мир, но и мир реальный, разрастись до масштабов вселенной и поглотить все, подобно черной дыре. В рассказе «Лиомпа» (1927) встречается подобная попытка в исполнении умирающего Пономарева, замечающего, что вещи [1] с возрастом его покидают:

---

[1] Подробнее о вещном мире в рассказе Ю. Олеши «Лиомпа» см. статью П. В. Маркиной «К поэтике рассказа Ю. К. Олеши “Лиомпа”» [2007].

> – Слушай, – позвал ребенка больной, – слушай... Ты знаешь, когда я умру, ничего не останется. Ни двора, ни дерева, ни папы, ни мамы. Я заберу с собой все (Олеша, 1974, с. 193).

И сам Олеша высказывается подобным образом:

> Я и на мебель не могу смотреть, думая, что она в первую же минуту моего несуществования будет стоять так же, даже не вздрогнув. (Ох, эта зависть, эта злоба к внешнему миру!) (Олеша, 2015, с. 103).

Интересно, что именно мебель, движимое и совсем не вечное имущество, вызывает у Олеши парадоксальную ненависть и ужас, которые он передает и Кавалерову, ненавидящему лакированные углы, которые еще и кусаются:

> Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. <...> Если какая-нибудь дрянь – монета или запонка – падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется (Олеша, 1974, с. 14).

Олеша боится не существовать и называет искусство «заклятием против силы уничтожения» (Олеша, 2015, с. 213). Как будто споря с собой, он дает Болеславскому в пьесе «Нищий, или Смерть Занда» следующую реплику: «Я не боюсь смерти. Умереть – значит не быть. Разве страшно не быть? Ведь уже было время, когда меня не было?» (Олеша, 1993, с. 159).

Очевидно, что не быть для Олеши все-таки страшно. Все, что было до его жизни, обесценивает его, все, что будет после – вызывает зависть. Смерть для Олеши означает потерю единственного мира, не лишенного для него значимости. Желание стать если и не бессмертным писателем, выглядывающим из вечности, то хотя бы конкурентом ненавистного лакированного шкафа, который, в понимании писателя, обязан назло ему пережить апокалипсис, противоречит человеческим возможностям и силе, оттого она и уступает место тотальному бессилию и безволию.

Список литературы

Берковский Н. Я. О прозаиках // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. С. 269–285.

Воспоминания о Юрии Олеше. М.: Сов. писатель, 1975. 304 с.

Гудкова В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний». М.: НЛО, 2002. 608 с.

Касаткина К. В. Николай Кавалеров как представитель типа «подпольного человека» в русской литературе // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 3. С. 30–36.

Комия М. Автобиографический миф в романе Ю. К. Олеши «Зависть» // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 162–175.

Маркина П. В. К поэтике рассказа Ю. К. Олеши «Лиомпа» // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 107–111.

Хорни К. Самоанализ. СПб.: Питер, 2002. 224 с.

Список источников

Гаршин Вс. Красный цветок: Рассказы и повести. СПб.: Лениздат, 2013. 416 с.

Олеша Ю. К. Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М.: Искусство, 1968. 388 с., ил.

Олеша Ю. Избранное. М.: Худож. лит., 1974. 576 с.

Олеша Ю. К. Смерть Занда // Театр. 1993. № 1. С. 149–191.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М.: ПРОЗАиК, 2015. 493 с.

References

Berkovskiy N. Ya. O prozaikakh [On prose writers]. In: Berkovskiy N. Ya. Mir, sozdavayemi literaturoi [The world created by literature]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1989, pp. 269–285. (in Russ.)

Gudkova V. Yuriy Olesha i Vsevolod Meyerkhol'd v rabote nad spektaklem "Spisok blagodeyanii" [Yuri Olesha and Vsevolod Meyerhold in their work on the play "The List of Benefits"]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 608 p. (in Russ.)

Kasatkina K. V. Nikolay Kavalerov kak predstavitel' tipa "podpol'nogo cheloveka" v russkoi literature [Nikolay Kavalerov as a representative of the "underground man" type in Russian literature]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika* [*Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies, Journalism*]. 2015, no. 3, pp. 30–36. (in Russ.)

Khorni K. Samoanaliz [Introspection]. St. Petersburg, Piter, 2002, 224 p. (in Russ.)

Komiya M. Avtobiograficheskii mif v romane Yu. K. Oleshi "Zavist'" [The autobiographical myth in Yu. K. Olesha's novel "Envy"]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 162–175. (in Russ.)

Markina P. V. K poetike rasskaza Yu. K. Oleshi "Liompa" [On the poetics of Yu. K. Olesha's short story "Liompa"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [*The World of Science, Culture, Education*], 2007, no. 4 (7), pp. 107–111. (in Russ.)

Vospominaniya o Yurii Oleshe [Memoirs of Yuri Olesha.]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1975, 304 p. (in Russ.)

List of Sources

Garshin Vs. Krasnyi tsvetok: Rasskazy i povesti [The Red Flower: Stories and Novellas]. St. Petersburg, Lenizdat, 2013, 416 p. (in Russ.)

Olesha Yu. K. P'esy. Stat'i o teatre i dramaturgii [Plays. Articles about theater and drama]. Moscow, Iskusstvo, 1968, 388 p., il. (in Russ.)

Olesha Yu. Izbrannoe [Favorites]. Moscow, Khudozh. lit., 1974, 576 p. (in Russ.)

Olesha Yu. K. Smert' Zanda [The Death of Sand]. *Teatr* [*Theater*], 1993, no. 1, pp. 149–191. (in Russ.)

Olesha Yu. K. Kniga proshchaniya [The book of farewell]. Moscow, PROZAiK, 2015, 493 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Анна Андреевна Корниенко, преподаватель
Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Anna A. Kornienko, Lecturer
Alexander I. Kulyapin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 19.02.2026;
одобрена после рецензирования 24.02.2026; *принята к публикации 24.02.2026*
The article was submitted on 19.02.2026;
approved after reviewing on 24.02.2026; *accepted for publication on 24.02.2026*